

**Интервью с одним из основателей Некоммерческого партнерства
«Национальный Электронно-Информационный Консорциум» (НЭИКОН)
Александром Кузнецовым о будущем открытой науки и ее актуальных запросах.**

— Как вы можете охарактеризовать нынешний уровень информационного обеспечения ВУЗов и научных организаций материалами и разработками в открытом доступе?

— Основной массив научной информации, который действительно полезен ученым, доступен только по подписке. Оценка всех материалов, размещенных в открытом доступе, — это достаточно кропотливая работа, основанная на индексах цитирования, существующих в мире. По химии, например, 40% источников находится в открытом доступе, но ни один наш институт, занимающийся химией, не знает об этом. Он находит то, что ему нужно, через Google, и ему все равно, открытый это доступ или кем-то проплаченный. И это хорошо, что молодые ученые ищут информацию в интернете, поскольку пожилой профессор в принципе не представляет, сколько существует источников по теме, над которой он работал всю жизнь. Он читал три журнала и публиковался в двух из них, и все. А при современных технологиях можно найти массу новой информации по теме и это является нормой. Но никто не смотрит, в открытом доступе она размещена или в закрытом. У нас нет оценки открытости источников.

— Почему Ваша компания стала заниматься вопросами доступа к научной информации?

— Мы всегда были энтузиастами. Начали заниматься этим еще в конце девяностых, когда была разрушена система информационного обеспечения науки. Западные журналы стали недоступны, ученые перестали цитировать друг друга, варились в собственном соку. Первым, кто почувствовал угрозу и предпринял какие-то шаги, был академик Михаил Владимирович Алфимов (российский ученый, академик РАН — прим. ред.), который возглавлял в то время Российский фонд фундаментальных исследований. В 1997 году он запустил программу «Научная библиотека», которая была нацелена на предоставление доступа к информации для молодых ученых. Приблизительно в это же время такую же задачу стал реализовывать и фонд Сороса в 29 странах, в которых были их подразделения. Их программа называлась «Электронная информация для библиотек» — EIFL, Electronic informations for libraries. На деньги фонда была оплачена подписка к одному из агрегаторов научного контента (в то время крупных агрегаторов было всего три), который был выбран в результате тендера — компании EBSCO Publishing, и в 1999 году всем странам, которые захотели примкнуть к проекту, был открыт доступ года на два. В рамках проекта работали эксперты, юристы, которые объясняли, как вообще строятся библиотечные консорциумы, как они взаимодействуют между собой, как осуществляется финансирование, какие позиции у издательств, как с ними договариваться. Мы взяли на себя смелость не только организовать такой консорциум, но и попытаться с ним выжить. Так в 2002 году появилось Некоммерческое партнерство «Национальный Электронно-Информационный Консорциум» (НЭИКОН), юридическое лицо, утвержденное крупнейшими библиотеками.

— Но теперь-то это стало бизнесом?

— В этой истории было много нестандартных решений. Можно сказать, что это бизнес с человеческим лицом. Мы в своей работе позволяем себе думать о душе и не совершать поступков, за которые потом будет стыдно. Тем не менее, это бизнес, который объединяет около 150 единомышленников, с которыми мы в эти годы работали — костяк, на котором все держится. Раньше, до законов о конкурсных системах закупок, мы просто собирали все заинтересованные библиотеки, договаривались об условиях подписки и ценах — то, что делают во всем мире консорциумы библиотек. С 2005 года организовать консорциумную подписку на средства участников стало сложнее.

Сегодня у нас в консорциуме более 1000 участников, в основном это некоммерческие организации: ВУЗы, НИИ, публичные библиотеки. Наша задача — вовремя поставлять им актуальный информационный материал, следить за новостями, подписываться на новые ресурсы, участвовать в централизованных подписках. В 2005 году идея открытого доступа была поддержана Министерством образования и науки, с 2009 года мы работали с Российским Фондом фундаментальных исследований, начавшим эту деятельность еще в 1997 году.

— В чем заключалось сотрудничество с Министерством образования и науки?

— С ними мы работали по подписке на научные ресурсы с 2005 по 2013 год, когда закончился наш последний контракт. На деньги министерства мы приобрели для России большие массивы научной информации, опубликованные в зарубежных журналах.

— Сколько у нас действующих научных журналов? Какова их цитируемость?

— По оценкам экспертов, действительно научных не более 500. Оценивать их цитируемость вот так сразу не возьмешься: в физике один импакт-фактор, в экономике и философии — другой.

Да, у нас есть авторитетные журналы, которые входят в Web of Science и в Scopus (международные индексы – прим. ред.). А есть и те, которые туда не стремятся, имеют специфическую российскую тематику, не интересную мировому сообществу или коммерческим компаниям, которые поддерживают оба индекса. И Web of Science, и Scopus ориентированы на прибыль, у них есть свои критерии для отбора журналов. Тех изданий, которые представляют действительный научный интерес, но не входят в индексы, у нас единицы.

— Вы сказали, что степень «научности» наших журналов – это головная боль российского научного сообщества.

— Журнал – это отражение научных исследований. Что такое научная публикация? Это описание результата научного исследования. Чем интереснее ваше исследование, тем интереснее будет статья и, соответственно, журнал. Вот интересна, например,

православная церковь Восточной Сибири в 17 веке какому-то одному ученому. А мировому научному сообществу — нет. При этом исследования действительно научные и ученый является ученым, но рассматриваемая им тема — внутрirosсийская, и она не актуальна для международных научных реестров.

— Как же подтолкнуть российских ученых на актуальные исследования?

— Есть известное изречение, что ученый за государственные деньги удовлетворяет свое любопытство. Мы не можем контролировать научный интерес каждого ученого. Есть разные соображения по этому поводу: например, что на самом деле все научные исследования иницируются 50 крупнейшими корпорациями в мире. И даже когда ученый сидит в маленьком городке и что-то там такое делает, как ему кажется, никому кроме него не интересное, на самом деле он выполняет фрагмент общего исследования, которое было заказано компанией Боинг, например, по атмосферным явлениям или свойствам каких-нибудь веществ. Если ученый смог доказать, что его исследование интересно — он получил грант и займется дальнейшей разработкой. Результаты исследования оказались любопытными и были опубликованы — отлично, огромное число ученых воспользуются ими, на их основе сделают новые предположения и проведут новые исследования. Это работает в основном так.

— Сколько в среднем обходится подписчикам возможность пользоваться контентом объединенных библиотек?

— Если мы говорим про ведущие ресурсы, то при индивидуальной подписке это 2-3 сотни тысяч долларов или евро для каждого вуза. В России эта цена кажется сумасшедшей, а для Запада она считается нормальной. При этом в цену могут быть включены разные опции. Голландцы, к примеру, договорились, чтобы в стоимость их подписки входили еще и так называемые article processing charge (APC), то есть все статьи, которые публикуются учеными в университетах, были в открытом доступе.

— Но ведь это еще и маркетинг?

— Своего рода. Вы опубликовали статью в платном престижном журнале. Вы – автор, ученый, вы сделали что-то хорошее, что-то действительно интересное, и вас отобрали, взяли в этот журнал. Но подавляющее большинство коллег не может его прочесть, потому что он очень дорогой или входит в очень дорогую базу данных. Издательство говорит вам: «3000 долларов, и мы выставляем вашу статью в открытый доступ». Автор хочет, чтобы его прочитали, у него в гранте предусмотрены 3000 долларов на публикацию. Он платит, и его статью открывают, и все видят, какой он молодец, какую хорошую статью он опубликовал в престижном журнале с высоким импакт-фактором. В результате журнал будут больше цитировать, он станет еще более престижным, и издательство сможет продать его еще дороже. Автор тоже в почете, выиграла все.

Я немножко упрощаю, в жизни ситуации выглядят по-другому, и схемы сложнее, но принцип один. Университеты Голландии решают проблему так: они договариваются, чтобы

весь контент, произведенный их учеными, входил в стоимость подписки. Если все авторы станут платить журналам за открытый доступ к своим статьям, то издательства лишатся возможности брать деньги за подписку, ведь им уже все заплатили. Стало быть, для читателя контент становится открытым — идеальная модель мира. Но мир, к сожалению, не идеален. У Голландии в этих вопросах есть политика, есть стратегия и финансирование, а значит есть и влияние. У нас нет даже сформулированных понятий.

— Звучит так, словно ученый несет финансовые потери, его это не отпугивает?

— А что он тратит? Вы получаете деньги на научные исследования и должны потом опубликовать результаты. В любом гранте закладывается 10% на информационное обеспечение. И это норма. Иначе тот, кто вам эти деньги дал — государство или ваш ВУЗ — не увидит вашей работы и вы, скорее всего, денег больше не получите.

— К разговору об энтузиастах: электронная библиотека «КиберЛенинка» выглядит очень успешным в этом плане экспериментом.

— «КиберЛенинка» проводит замечательную воспитательно-просветительскую работу. Объясняет всем, что такое Creative Commons. Но без должного уровня поддержки он так и останется неким просветительским проектом неких подвижников. Поэтому его создателей можно рассматривать как специалистов и евангелистов открытого доступа, а вот считать «КиберЛенинку» проектом, который существует в государственном масштабе и определяет политику, я бы не торопился, несмотря на личную симпатию к разработчикам.

— Объединение всех научных библиотек возможно в рамках одной страны? В рамках единой международной системы?

— Особенность нашей страны в том, что на данный момент все деньги на доступ, на подписку, идут со стороны Министерства образования и науки. А правила пишет либо тот, кто более всего заинтересован, либо тот, у кого больше всего возможностей. Международное сообщество, в общем-то, уже существует, и мы, как консорциум, его члены.

— Какую роль будет играть Ваша компания в проекте «Ноосфера. Запуск»?

— Нас, мне кажется, пригласили из-за того, что мы являемся представителями крупнейшего оператора идентификатора DOI. Есть компания, к сожалению, отчасти американская, которая в настоящий момент является лидером именно этой научной айдентики. Мы являемся их представителями в России, и делаем систему идентификации научных трудов, платформу для того, чтобы эти труды могли загружаться.

Мы одни из соисполнителей этого проекта, наша роль пока не главенствующая. Проект развивается, мы пытаемся придать ему некую конкретную форму и в принципе рассматриваем его как хороший запуск самого движения. Его развитие я подразумеваю лишь в случае некоей консолидации, понимания потребности в открытой информации в

будущем. Объединились люди: одни знают, вторые могут, третьи хотят. И пытаются сделать что-то, что можно было бы продемонстрировать как некую модель. Если все пойдет, дальнейшие шаги могут быть более серьезными.

— Как на Ваш взгляд должен выглядеть открытый доступ к науке?

— Если научные исследования проводились на государственные деньги и не стали предметом военной или государственной тайны, то они, безусловно, должны быть в открытом доступе. Пока же ситуация такова, что крупные компании в какой-то момент сумели довольно ловко приватизировать общественное знание и сделать на этом огромные деньги. И эта ситуация, конечно же, несправедлива.

С информацией происходит то же самое, что и с нефтью: кто-то ее добыл, но она еще, положим, сырая, значит кто-то ее должен переработать, прежде чем она станет доступной. Это и есть, по сути дела, работа издателя. А теперь вопрос: сколько могут стоить его услуги, и может ли он продавать электронный ресурс еще 100 раз после того, как окупил все свои затраты? Знание должно быть доступно всем, и я, конечно же, выступаю за открытый доступ. Так или иначе исследование всегда кто-то оплачивает, и стоимость публикации его результатов обычно входит в стоимость гранта. Странно, если для получения возможности изучить эти результаты приходится еще раз платить. При этом я с большим уважением отношусь к издательствам и считаю, что ни в коем случае нельзя говорить, что они захватили все научное знание. Это скорее вопрос регулирования.

В 2002 году я был против открытого доступа в России — сейчас все развивается и это действительно выход. Если все перевернуть и открыть доступ, издательства не перестанут зарабатывать, только теперь источником дохода станут сами авторы. Этот процесс тоже должен быть под контролем, потому что научный журнал не должен отступать от своих этических принципов, нельзя допустить публикации всего, что захочется. Редакция в таких журналах нужна, чтобы верифицировать данные.

Публикация в рамках проекта "Ноосфера. Запуск". При реализации проекта используются средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 05.04.2016 №68-рп и на основании конкурса, проведенного Общероссийской общественной организацией «Российский Союз Молодежи».